

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в отечественной исторической науке происходили серьезные перемены. В конечном итоге они оказались столь масштабными, что изменился сам ее об­раз и восприятие труда историка в массовом сознании. К со­жалению, осмысление происходящих в исторической науке перемен не всегда успевает за этими бурными процессами, скорость и масштаб которых за последние годы не только не уменьшились, но, в какой-то мере, даже возросли из-за тех глобальных сдвигов, которые происходят и в самой Рос­сийской Федерации, и во всем мире. Соответственно, перед про­фессиональными историками встает задача понять и объяснить новые явления в исторической науке, их причины, направленность и результаты. Только в этом случае историо­графия (или история исторической науки) как направление исторической мысли и как учебная дисциплина на историче­ских факультетах отечественных вузов будет востребована и внесет положительный вклад в формирование новых поколе­ний историков.

Изучение происходящих в исторической науке перемен может вестись с позиций двух подходов:

Первый подход — традиционный, сугубо академический. Решая текущие научные задачи, историки и историографы могут отслеживать выход новейших статей, монографий, сборников конференций и пр., анализировать содержащиеся в них факты и оценки для проверки и шлифовки собственных научных взглядов.

Второй подход — это подход учителя, наставника, задачей которого является не только самому освоить новый истори­ческий материал, но и познакомить с ним своих учеников. Одновременное решение двух пересекающихся задач — специфика всех историографических изысканий, представ­ленных в данном пособии.

В него включены работы, часть из которых была в разные годы опубликована, другие — прозвучали в качестве докладов на конференциях, использовались как материалы лекциям, к прочитанным студентам и аспирантам в процессе преподавания предмета «Историография новейшей отечественной истории» на историческом факультете Института истории и политики Московского педагогического государственного университета. Будущим учителям истории, так же, как любым профессионалам, связавшим свою жизнь с исторической наукой, важно разбираться в противоречивых историографических процессах, уметь самостоятельно осмысливать то многоголосье подходов и теорий, которое стало отличительной чертой современного этапа изучения прошлого.

Материалы пособия погружают студентов-историков в сложные дискуссии, которые определяют лицо современной исторической науки. Приводятся оценки, которые делают представители различных школ и направлений, по проблематике нашей сложной истории XX — начала XXI вв., а также по таким вопросам, как специфика написания современных учебников, влияние исторических мифов на общественное мнение и учебный процесс и некоторым другим.

В начале пособия посвящены материалы, в которых внимание уделено сложным вопросам и подходам к изучению Революции 1917 года. Это не случайно, поскольку именно с событий 1917 года начинается советский период новейшей отечественной истории. Вместе с тем, общество и сама историческая наука сегодня настолько расколоты, что нет даже общего понимания, сколько революций в нашей стране произошло в тот переломный год? Ведутся также дискуссии о том, следует ли считать события октября 1917 года революцией или переворотом? В чем был смысл, значение и результаты тех событий? Какова цена революции? В чем отличия

между теми политическими силами, которые были вовлечены в революционный поток? Эти и другие вопросы получают свое освещение в соответствующих разделах пособия.

Так же внимательно в пособии поднимаются проблемы развития нашего общества в последующие десятилетия. Прежде всего это события индустриализации, коллективизации, репрессий 1930-х гг. Все эти сюжеты в наши дни трактуются с самых разнообразных, часто противоположных научных, гражданских и даже нравственных позиций. Будущий учитель истории обязан знать основные подходы к выявлению природы советского общества в межвоенные десятилетия, грамотно ответить на самые нелегкие вопросы школьников. Материалы пособия помогут будущим бакалаврам добиться главного — сформулировать собственную, независимую ни от кого точку зрения на развитие СССР в 1920—1930-е гг. В этом видится залог их успешности в качестве профессиональных работников сферы образования.

Не обходит пособие и проблемные для историков вопросы изучения Великой Отечественной войны. Дискуссии о Победе, роли в ней нашей страны не утихают до сих пор. Все это делает включение соответствующего материала в пособие крайне актуальным и важным. Помимо прочего, в них затрагивается проблематика сочинения так называемых «черных мифов» и необходимости их преодоления.

Несколько материалов пособия напрямую затрагивают такую важную проблему, как состояние исторического образования на постсоветском пространстве и конкретно в Российской Федерации. Учитывая историографическую направленность пособия, особое внимание при этом уделено такому важному компоненту историографического процесса, как эволюция современного учебника истории. Поднимаются вопросы о том, что представляют собой выходявшие в последние время учебники по истории, как они влияют на

сознание молодых поколений, а так же вопросы, связанные с необходимостью обновления и повышения качества учебников истории. Затрагивается острая тема моральной отвесности ученых за обучение истории и воспитание молодежи.

Завершается пособие материалами, посвященными некоторым острым проблемам истории современной Российской Федерации, в частности показывается влияние на некоторые стороны историографического процесса событий 2014 г. в Крыму.

Хочется верить, что материалы пособия, отразившие новейшие тенденции развития историографической мысли в Российской Федерации, станут важным подспорьем для молодых историков в их будущей трудовой деятельности.

I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

1. *«Красная смута» в интерьере исторических альтернатив: взгляд из сегодня*

Судьба каждого нового поколения — по-новому переосмыслить исторический опыт. Не часто, но все же случается, что такому осмыслению помогает сама современная эпоха, какими-то своими чертами напоминающая минувшее. Вот и сегодня, пытаясь осмыслить опыт революции 1917 г. исследователь может многое понять, исходя из собственного чисто житейского опыта. Очевидно и обратное — современный период истории России не может быть понят без обращения к событиям тех далеких лет. И дело не только во внешней похожести тех или иных действующих персонажей или событий. Просто очень многое из того, что происходит сегодня, уходит корнями в альтернативы начала века. Многие противоречия, которое только-только дали о себе знать, зародились в годы русской революции.¹

¹ Сегодня под русской революцией часто понимают не только события февраля и октября, но и последовавшую за ними эпоху. См.: Революции в России: спорное прошлое и неопределенные перспективы (Круглый стол к 80-ти летию Великой октябрьской социалистической революции) // Альтернативы. 1997. № 3. С. 4—5; Медведев Р. Русская революция 1917 года: победа и поражение большевиков (к 80-летию Русской революции 1917 года). М. 1997. С. 6—8 и др. Некоторые историки весь этот период, связанный с переходом России к новому качеству своего исторического развития, сравнивают по масштабам со смутным временем XVIII в. В научный обиход вошло даже такое понятие, как «Красная смута». См. Буддаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. Названная здесь работа Буддакова имеет немалый интерес и в связи с другими проблемами революционной эпохи. Ее вполне считать одной из наиболее значимых не только среди работ, появившихся в год юбилея революции, но и применительно всей новейшей историографии. Разумеется,

Писать о состоянии современной исторической науки достаточно непросто. Непросто уже потому, что глаза современника могут и не увидеть каких-то важных черт и тенденций ее развития. Затрудняет задачу и множественность подходов и направлений, существующих сегодня. Наконец финансовый голод разорвал привычный взаимобмен между историками разных городов, разрушил библиотечное дело. Стало сложно элементарно отслеживать выход новых работ. Вместе с тем определенные шаги в этом направлении уже делаются, и это отрадный факт, поскольку в противном случае исторической науки вновь грозил бы застой.²

в ней содержится немало спорного, но заслуживает поддержки сам подход автора, рисующего события революции с точки зрения психосоциальной их стороны.

² См. об этом: Краус Т. Историография революции и новейший историографический переворот в России // Альтернативы. 1997. № 2. Одним из вопросов, которые исследователи время от времени поднимают в связи с возникшим сегодня плюрализмом в историографии – это вопрос о судьбах марксизма в России, а именно сохранилось или нет в современной исторической науке России марксистское направление. Вероятно, дискуссии на этот предмет не утихнут, вероятно, еще долгое время. В этой связи хочется обратить внимание на явление, которое определим как «феномен Грамши». Находясь в тюрьме, Грамши не мог употреблять таких понятий, как диктатура пролетариата, марксизм, диалектический материализм и т. д. Ему пришлось разработать новую изоцированную терминологию для передачи своих мыслей. Отчасти это затруднило понимание его наследия, но, с другой стороны, позволило Грамши выйти на целый комплекс проблем и обобщений, ставших важным вкладом в социологию, в том числе чисто марксистскую. Представляется, что «феномен Грамши» просто необходимо учитывать, читая работы многих современных историков, поскольку нынешний политический режим не допускает подлинного свободомыслия и утонченными приемами массовой пропаганды ведет политику тотального информационного, идеологического и смыслового диктата (См. размышления об этом в кн. (Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917–1928. Будапешт, 1997. С. 15–16). Кроме того, «феномен Грамши» сегодня наложилась на другое явление, суть которого в том, что терминология в исторической науке долгие годы не

Как и в прежней советской историографии, в центре внимания исследователей сегодня оказался вопрос причин и предпосылок революции. Но в наши дни подходы к нему существенно изменились, прежде всего потому, что на первый план выдвинулся процесс перехода в начале века России от традиционного общества к гражданскому. Понятно, что связано это с тем, что и сегодня в России происходит нечто похожее, только на новом, качественно отличном уровне, поскольку институты традиционного общества к концу XX в. оказались уже основательно подорваны.³

Анализ созревания причин и предпосылок революции с точки зрения механизмов перехода к гражданскому обществу позволил по-новому поставить вопрос о развитии в России капитализма. Если прежде оба процесса практически отождествлялись, то современное положение дел в стране показывает, что рост капитализма вовсе не тождественен формированию гражданского общества, а иногда и просто губителен для его институтов. Еще более кардинально поставлен сегодня вопрос и о том, можно ли сводить весь комплекс причин и предпосылок революции к фазам развития в стране капитализма? Именно на этом основывалась прежняя

развивалась и теперь историки интуитивно а следовательно – стихийно) наверстывают упущенное. Впрочем, можно говорить и о более радикальном процессе – историки больше не желают довольствоваться пассивной ролью, когда им приходилось довольствоваться терминами, навязанными им другими обществоведческими дисциплинами. Сегодня историки стремятся самостоятельно вырабатывать язык своей науки.

³ В этом плане интерес представляет точка зрения крупного знатока по аграрной истории В. В. Кабанова. Он, как и большинство историков, признает чрезвычайно высокую роль русской общины в революции, но полагает, что ее закат стал уже свершившимся фактом и все надежды на национальное возрождение и выживание, связанные с надежной на саморегулирующие механизмы общины – иллюзорны (См. его: Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. С. 155).

схема исторического процесса в России. Эта схема более или менее успешно функционировала, когда революцию 1917 г. изучали на примере Петрограда и его крупной, вестернизированной индустрии. Но по мере выявления материалов о происходившем в остальной России, она оказалась недостаточной.⁴ Разумеется, полный отказ от нее был бы ошибкой, но все же некоторые процессы начала века требуют дополнительного изучения.

Второй особенностью современного взгляда на историю можно считать возросший интерес к ее гуманитарному измерению.⁵ И это так же связано с интересом к возникновению в стране гражданского общества, поскольку оно опирается на конкретного человека, индивида. В этом смысле очень важно увидеть, как отразился переход к современному обществу на судьбах конкретных людей? По тому ли пути шло в России его становление? Не явилась ли революция ответом на выбранный проект модернизации? Ведь для людей из социальных низов речь шла, по сути, о разрушении их мира, их среды обитания, — если пользоваться современной

⁴ Интерес исследователей в наши так же привлекает и то, как расценивались предпосылки революции историками и политическими деятелями прошлого времени, будь то дореволюционный период или годы нэпа (См. напр.: Краус Т. Своеобразие российского исторического процесса. О дискуссии Троцкого и покровского. Россия XXI. № 9—10)

⁵ У истоков такого подхода к истории революции стоял один из виднейших историков наших дней П. В. Волобуев, скоропостижно скончавшийся в самый канун юбилея революции. Руководимый им Научный совет РАН «История революций в России» провел под своей эгидой ряд конференций, общее название которых так и звучало «Революция и человек». Сам Волобуев по этому поводу замечал, что изучение обыденной, повседневной жизни, рост внимание к рядовому участнику исторического процесса — это показатель исследовательского прогресса в науке. Особенно эти изменения важны с позиции историков революции, поскольку революции делают массы, конкретные их представители. См. Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 4.

терминологией — экосистемы. Рядовому человеку было безразлично, страдает ли он от пережитков феодализма, или на него навалились тяготы новой, буржуазной эпохи. Прежние методологии не позволяли в полной мере проследить происходившее на этом, низовом уровне. Но понять психологию, восприятие происходящего таким человеком из толпы, — значит добавить еще одну немаловажную деталь к научной концепции исторического познания.

Успехи, достигнутые на избранном пути современной исторической наукой, достаточно впечатляющи. Так, предположим, какое отношение к складыванию причин революции имеет повседневное поведение женской половины деревни в начала века где-нибудь в самой, что ни наесть, русской глубинке? А отношение оказывается самое непосредственное.

Процессы модернизации на жизни русских крестьянок сказались, к примеру, через рост отходничества. Отходничество как экономическое явление, его влияние на развитие капитализма хорошо известно. Но что оно означало в бытовом плане, помимо того, что давала возможность крестьянам бедных хлебом губерний выжить зимой? Оказывается, что отходничество, во-первых, отрывало многих женщин от семьи, поскольку существовали сугубо женские виды отходничества. Известны, к примеру, — артели прачек. Но и там, где женщины оставались у домашнего очага, ситуация складывалась критической. Даже если отвлечься от поражавшего современников роста женской бытовой распущенности, тот факт, что на протяжении нескольких месяцев женщина фактически исполняла роль главы семейства, — уже означало подрыв русской патриархальной семьи.⁶

⁶ См. напр.: Кулик Н. В. Российские женщины в 1917 г. // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997, а так же Булдаков В. П. Революция и человек (методологические заметки) // Крайности истории и крайности историков. М., 1997.

Безусловно, для России, где цивилизация сохранялась благодаря сложной системе сдержек, разрушение семьи было важным фактором в формировании психологии крайних социальных групп. В период же революции именно неадекватное поведение маргиналов становилось подоплекой многих эксцессов, в том числе кровавых, которых при других обстоятельствах можно было избежать. В этой связи заслуживает внимание и всплеск накануне революции и в ходе нее девиантного (т. е. отклоняющегося от норм) поведения. Историки обратили внимание на взаимосвязь форм и размаха криминализации общества с назреванием революционного кризиса. Разумеется, это не следует понимать так, что рост преступности означает близость революции.⁷ Но можно четко проследить, что углубляющийся раскол между властью и обществом не позволил в России рубежа веков смягчить со-

⁷ Здесь, правда, следует иметь, что преступность «преступности» разнь. Так, всплеск в последние годы XIX в. и особенно в начале XX в. числа так называемых «государственных преступлений», даже по сравнению с общим ростом преступности, прямо говорил о серьезном кризисе в институциональной и социокультурной сфере. Очень важно подчеркнуть не только общий рост политических «преступлений», но и социальный состав тех, кто их совершал. Если раньше это были выходцы из привилегированных классов, то теперь в основном из рабочих и крестьянства. Перемены эти были столь масштабны, что на них обращали внимания уже современники. Один из первых историков ВКП(б) М. Лядов в своей книге приводил очень характерное высказывание старшего надзирателя московской таганской тюрьмы, в которой довелось побывать в заключении и самому Лядову: «Что это все нынче политического мужика стали сюда возить? Раньше все господ возили, студентов там, барышень, а теперь вот наш брат пошел, серый мужик – рабочий пошел» (См. об этом подробнее в кн.: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. М., 1997. С. 62–64).

циальные язвы, в том числе решить проблему преступности.⁸ А это уже действительно показатель необходимых крупных перемен, которые, как правило, и приходят с революцией.⁹ Так частный, на первый взгляд, вопрос заставляет обратить внимание на главную проблему российского общества начала века — тот глобальный раскол, который прошел через все тело нации и не дал возможности выйти из обрушившихся на страну кризисов реформистским путем. На этой проблематике имеет смысл остановиться чуть подробнее, поскольку она так же связана с переходом к гражданскому обществу самым непосредственным образом.

Наметившийся перед революцией раскол общества на ту его часть, которая легко приспособилась к ценностям открытого общества и на остальную часть населения имела неподправимый характер. Обстоятельства размежевания усугублялись, помимо всего прочего, еще и тем, что те слои, которые «не вписывались» в новые либеральные реалии принадлежали, как правило, к трудящимся классам. И наоборот, опорой открытого общества, его костяком становятся в России представители элиты, образованных классов. Тем самым

⁸ Зориков П. В. Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX в. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 5—11.

⁹ К слову сказать, революционный период в России был отмечен обвальным ростом самогоноварения и алкоголизма. Началом «развернутой наркотизации» населения великорусских и украинских губерний стало введение своеобразного сухого закона правительством Николая II при вступлении России в войну. Начавшись, процесс роста самогоноварения и алкоголизма рос по поступательной, что явно свидетельствовало о массовом неблагополучии в обществе. Перекрыть «всероссийский змеевик» удалось только к 1923 г., когда государство отважилось и здесь пойти на своеобразный Брест-Литовск. См. подробнее в кн.: Павлюченков С. А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. М., 1997. С. 124—142.

классовая борьба, нараставшая на протяжении всего предреволюционного времени приобретала не только социальный, но и, в определенном смысле, цивилизационный, культурогенный характер: между верхами (речь идет об отдельных прослойках бюрократии, буржуазии и интеллигенции), жившими по законам открытого общества, и традиционалистски ориентированными низами.

Попытки образованных классов преодолеть этот раскол то подачками от барских щедрот, то культурно-просветительской деятельностью не давали положительных результатов. Что могла сделать такая культурническая благотворительность в условиях, когда низы и верхи, говоря на одном языке, все меньше понимали друг друга?¹⁰ Можно ли, к примеру, увидеть в просветительстве реальную альтернативу тем радикальным настроениям, которые так же начинают в тот период проникать в рабочую среду? Похоже, что какая-то часть низов через подобное квазикультурничество действительно смогла приобщиться к восприятию ценностей гражданского общества. Но для остальных — господская милость служила лишь дополнительным раздражающим фактором. Тем более что высшие классы очень специфично «понимали» народную культуру. А сама просветительская деятельность «образованных сословий» подчас была чем-то сродни устройству в Северной Америке резерваций и этнографических музеев для индейцев. Точно так же можно говорить и о понимании верхам политических и экономических интересов низов. Нельзя сказать, что либеральная буржуазия или черносотенцы не пытались их отстаивать, но делали они это исходя из своих собственных представлений, подчас весьма

¹⁰ См. о фактической стороне этого явления в кн.: Бойко Т. В. Рабочие России и культура. Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. М., 1997.

далеких от действительных настроений масс.¹¹ Отчасти это следует признать и по отношению к социалистам.¹²

Через учет подобных реальностей все больше историков склоняются к тому, что предпосылки революции восходят очень к глубоким историческим пластам. Во всяком случае, современное понимание нарастания революционного кризиса далеко от упрощенчества и сведения его причин к какому-то одному, пусть и очень важному фактору. В обострении революционной напряженности, того раскола общества, из которого она произрастала, можно выделить не один, а сразу несколько этапов, направлений, уровней.

Приняв концепцию «многоуровневой» природы кризиса империи, можно убедиться, что большинство современных

¹¹ См.: Розенберг У. Представления либералов о рабочих России и их интересах (начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб, 1997; Степанов С. А. Рабочие и черносотенные организации. 1905—1917 // там же; Рабочее и социалистическое движение в представлениях российских сановников-реформаторов начала XX в. // там же.

¹² Но, во-первых, их деятельность не может быть сведена к простому культурничеству. Во-вторых, организованные ими партии, культурные общества и экономические организации представляли из себя новое явление в развитии политической культуры в России. В этих организациях представители трудящихся классов были не только объектом, но и субъектом культурного, политического и т. п. действия (См. ряд материалов помещенных в кн. Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: Хаймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в.: роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией; Касимов А. С. Рабочие и демократическая интеллигенция Центрально-Черноземного района в социальных конфликтах и протестах конца XIX – начала XX вв.; Дебора П. «Народная воля» и рабочие; Хильдермаер М. Представления партии социалистов-революционеров о рабочем классе; Шеррер Ю. Отношения между интеллигенцией и рабочими на примере партийных школ на Капри и в Болонье и др.

исследований дореволюционной России и революции 1917 г. не противоречат ей. Так или иначе, они вписываются и в нечто дополняют ее, беря в качестве предмета исследования отдельные этапы или проявления кризиса.¹³ Это ничуть не умоляет их самостоятельной ценности. Наоборот, речь идет о том, что на разном историческом материале историки приходят к взаимодополняющим выводам. Правда, далеко не все компоненты происходивших тогда процессов уже изучены, но общее движение исторической мысли вполне определилось.

«Многофакторность» предпосылок революции заставляет поставить вопрос и о плюралистичности природы самой революции. В прошлом, как известно, господствующая точка зрения сводилась к тому, что первый, февральский, этап революции носил буржуазно-демократический характер, а второй, октябрьский был пролетарским и социалистическим. При таком взгляде неоднородность происходившего в 1917 г. рассматривалась как поступательное развитие от низшего к высшему. Сегодня картина воспринимается не так прямолинейно. Многие исследователи готовы признать в Красной смуте не одну, а сочетание сразу нескольких революций: крестьянской, солдатской, революции средних городских слоев, женской и, конечно, пролетарской. Более того, можно говорить о мусульманской, еврейской, польской, украинской, финской и др. революциях,¹⁴ вместе составивших

¹³ Буддаков В. П. Имперство и российская революционность (Критические заметки) // Отечественная история 1997. № 1. С. 44.

¹⁴ В той или иной мере к таким выводам подводят многие материалы, появившиеся в год юбилея. См. Верстюк В. Ф. Февральская революция и украинское национально-освободительное движение // Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Исхаков С. М. Мусульмане России: особенности социального поведения в начале XX в. // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; он же. Фев-

единую российскую революцию.¹⁵ Вряд ли стоит сомневаться, что в российской революции 1917 г. проявилась и русская революция.¹⁶ Кроме того, ряд историков сегодня готов

ральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Еврейский вопрос в революции, или о причинах поражения большевиков на Украине в 1919 году // Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997. В сущности, аналогичным проблемам, посвящена и кн.: Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 годы. М. 1997.

¹⁵ К слову сказать, подобный подход напоминает известную истину, что, подчас, новое – хорошо забытое старое, в частности, о множественности факторов, определяющих национальные революции и разных задачах, решаемых разными народами в ходе этих революций писал еще Троцкий в своем главном труде о русской революции, переизданном как раз в год ее юбилея (См.: Троцкий Л. Д. История Русской революции. В 2-х тт. Т. 2. Ч. 2. М. 1997. С. 36 и далее).

¹⁶ Что касается русской революции, специфики российского исторического пути, то эта тема давно стала одной из ключевых для отечественной историографии, идет ли речь об историках дореволюционного времени или историках-марксистах (об этом подробнее см.: Краус Т. Своеобразие русского исторического процесса: о дискуссии Л. Д. Троцкого и М. Н. Покровского// Историческая наука России в XX веке. М. 1997. С. 200—216). Отметим так же, что современный интерес к русским корням революции 1917 г. в очень значительной степени связан с нынешним неблагоприятным положением дел в стране. Нынешняя «эрефия» есть продукт поражения Советского Союза, социализма в целом в холодной войне. Поражения всегда вызывают всплеск интереса к национальному вопросу (См. о влиянии революции на судьбы исторической России в кн.: Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917—1928 гг.) СПб. 1997; см. так же рассуждения на эту тему в кн.: Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (Глядя из настоящего). СПб. 1997. Обращение специалиста по истории Киевской Руси к событиям начала XX кажется странным только на первый взгляд. На самом деле этот факт подчеркивает важность, актуальность и современное звучание произошедших тогда событий. Впрочем, это не отменяет того, что звучащие сегодня оценки октября не всегда опираются на глубокие научные поиски, а являются лишь эмоциональным ответом на тяготы и разочарования сегодняшнего дня).

отказаться от изоляционистских схем и посмотреть на русскую революцию 1917 г. в контексте всего мирового развития, и при том не в плане влияния революции на окружающий мир, а в плане влияния окружающего мира на революцию. С этой точки зрения революция 1917 г. может восприниматься как совпадение во времени внутреннего кризиса империи и глобальных мировых кризисных колебаний. Речь в этом случае идет и о более глобальной включенности России в мировую систему. В этой связи поднимается проблема влияние на революцию I Мировой войны.¹⁷

Теория многофакторности своими корнями глубоко уходит в состояние современного российского общества. Открывая перед историками новые перспективы, она, тем не менее, пока не позволила ответить на вопрос о том, какой же из факторов был в созревании революции если не решающим, то, по крайней мере, ведущим. Соответственно этому, сегодня еще не удалось достаточно четко решить вопрос о движущих силах революции 1917 года. Это, в свою очередь, затрудняет ответ на вопрос о том, насколько неизбежна была революция и насколько неизбежны были те конкретные формы, в которых она происходила, хотя практически во всех работах, появившихся в 1997 г. эта проблематика, так или иначе, затрагивается. Будущий фронт исторического поиска в этой связи видится двояко. С одной стороны новые и прежние подходы могут дать некий синтез. С другой стороны может возникнуть острая полемика между теми, кто будет отрицать наличие каких либо ведущих тенденций в революции, гегемонию каких либо социальных сил и теми, кто будет склоняться к тому, что подобная гегемония и магистральная линия в революции все же существовала, пусть и не в ярко выраженной форме.

¹⁷ Буддаков В. П. Красная смута... С. 19.

Интерес сегодняшней исторической науки к проблематике причин и предпосылок революции понятна — в определенном смысле он проистекает из апокалиптических страхов, связанных с возможностью повторения подобных потрясений и восемьдесят лет спустя их первого издания. Причем второе издание может оказаться куда более разрушительным. Какие же еще проблемы привлекают особенно большое внимание исследователей? К таким вопросам, прежде всего, следует отнести вопрос об организации революционной власти, — т. е. ту проблему, которая так же самым непосредственным образом выводит на сегодняшнюю непростую ситуацию в стране, вновь расколотой на несколько противоборствующих лагерей.

Власть в революционную эпоху — явление особое. Связано это с небывалым ростом влияния на нее со стороны масс. Влияние это всегда носит сложную структуру. И наоборот — механизмы самой власти упрощаются, в определенном смысле даже примитивизируются.¹⁸ Следует упомянуть и еще одну особенность власти в период революций. Она становится более прозрачной. Многое, что прежде происходило как бы за кулисами, становится доступным контролю со стороны современников и научному анализу потомков.¹⁹ Вот и в

¹⁸ См. первые подходы ко всей этой проблематике в кн.: Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... М., 1997.

¹⁹ Однако такая доступность власти трезвому и открытому научному анализу устраивает, видимо, не всех. Да и сама открытость механизмов власти научному познанию вызывает недоверие и настороженность. Ведь во все остальные периоды, помимо революций, происходящее в коридорах власти наглухо закрыто от посторонних глаз. Поэтому, видимо, не удовлетворяясь простыми решениями вопроса о природе власти в периоды революции, иные авторы ищут сложных решений, или пытаются затуманить очевидные. В этом нам видится причина того почти мистического ужаса, который вызывает вопрос о роли масонов в русской революции. Интерес в нашем обществе, особенно в свете сегодняшних кульбитов некоторых по-

годы русской революции так же появляются многочисленные демократических учреждений, не только «открытые» сами по себе, но еще и значительно размывающие «закрытость» прежних институтов управления.

Понятно, что и в этом вопросе позиция историков во многом определяется не только сегодняшним состоянием науки, но и состоянием общества в целом. Так, кризис Советской формы государственного устройства, еще живущий в памяти многих, заставляет исследователей большее внимание уделять другим, не Советским демократическим структурам.²⁰ Среди них можно назвать важные и актуальные

литиков, к нему не угасал никогда. Отзвуком этого постоянно подпитываемого интереса стал выпуск в год юбилея революции давно известной на Западе книги Нины Берберовой (См. Берберова Н. «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия». Харьков—Москва. 1997). Работа эта давно устарела как концептуально, так и фактически. Научной же дискуссии по этой проблеме до сих пор не получалась, и в последнее время она вообще зачахла, вероятно в связи со смертью ее наиболее видных участников, как Минц, Аврех, Яковлев. Попытки некоторых авторов ввести в оборот какие-то новые документы, оживить полемику пока не имели ни успеха, ни широкого резонанса в научной среде по причине их нарочитой тенденциозности (См. напр. Платонов О. Терновый венец России. М. 1997). В результате роль масонства в событиях революции в большинстве случаев либо совсем отрицается, либо превращается в главную причину и движущую силу всей эпохи.

²⁰ Разумеется, нет правил без исключений. В юбилейный год вышла в свет значимая книга, посвященная деятельности II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Она представляет из себя прокомментированные и научно обработанный стенографический отчет российской прессы того времени о работе съезда (См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25—26 октября 1917 г.). Сборник документов и материалов. М., 1997). Так же нельзя не отметить фундаментальную монографию Г. И. Злоказова «Меньшевицко-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997». Но, по некоторым особенностям, эта книга имеет непосредственное отношение к изучению партийной истории. Кроме того в предисловии автор полемически заостряет некоторую противоположность прежним подходам, когда по его словам, «в научной литературе внимание преимущественно акцентировали на

работы по истории комитетов общественной безопасности,²¹ солдатских комитетов,²² кооперации,²³ прочих организаций революционного времени.

Особый интерес сегодня вызывает судьба Учредительного собрания. Его часто называют демократической альтернативой Октябрю. Но так ли это? Во всяком случае, во всех революциях, где подобные организации действительно сыграли свою роль, их созыв не оттягивался так надолго, как в России. Невозможно не согласиться с мнением В. П. Буддакова, что Учредительное собрание просто-напросто запоздало. Его созыв мог еще что-то решить в первые два месяца революции, но не почти год спустя.²⁴

Гораздо интереснее другой вопрос, так или иначе связанный с судьбами Всероссийского Учредительного собрания, — способны ли демократические институты быть альтернативой авторитарным тенденциям в принципе? И не превращаются ли подчас они сами в механизмы нечистоплотного манипулирования обществом? История созыва и проведения выборов в Учредительное собрание дает особенно много

обосновании роли Советов как носителя готовых форм социалистической государственности». В этом Г. И. Злоказова вполне вписывается в современный подход к истории 1917 г., когда повышенное внимание уделяется самым разнообразным формам самоуправления, возникших в тот период в рамках русской революции.

²¹ Герасименко Г. А. Общественные исполнительные комитеты в революции 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

²² Миллер В. И. Осторожно: история! М., 1997. С. 44—49. Речь идет о посмертном издании избранных трудов видного исследователя Октябрьской революции и организатора науки В. И. Миллера. В книгу включены не только его наиболее значимые работы последних лет, но и автореферат диссертации, в самый канун защиты которой Виктор Иосифович скоропостижно скончался.

²³ Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997

²⁴ Буддаков В. П. Красная смута... С. 176.

пищи для размышления над этим. Можно утверждать, что вся выборная кампания изобиловала такими грубейшими нарушениями, что ни в одном действительно демократическом государстве их результаты никогда не были бы признаны.²⁵ Тем самым «надклассовая» демократия, которая, по мысли своих защитников, должна была стать альтернативой диктатуре, с первых же своих шагов показала себя более чем деспотическим механизмом манипулирования обществом. Не в этом ли следует искать неудачу «демократической альтернативы»?²⁶ Тем более, что Советы так же представляли из себя форму демократии, пусть и отличающуюся от демократии парламентской. Более того, в революции 1917 г. можно найти силы, не только не противопоставлявшие эти две формы демократии, но и пытавшиеся найти примиряющие их начало.²⁷

Как бы там ни было, Учредительное собрание и события, связанные с ним, позволяют вспомнить еще об одной стороне исторического процесса тех лет. Его недолгая история стала, можно сказать, своеобразным «золотым веком» российской многопартийности. Вопросы, связанные с ее становлением так же находятся в центре внимания историков.²⁸ И это понятно, поскольку до сих пор нет уверенности, приживется ли многопартийность в России в принципе, или она обречена и в наше время.

²⁵ Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997.

²⁶ См. об этом подробнее Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917—1928.

²⁷ См. например позицию, занимаемую в тот момент Ю. Мартовым (Урилов И. Х. Ю. О. Мартов – историк и политик. М., 1997. С. 269—270 и др.; Краус Т. Советский термидор. С. 51—52 и др.

²⁸ См. напр.: Шелохаев В. В. Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков. М. 1997.

Нет до сих пор четкого понимания и самой природы российской многопартийности, хронологических рамок ее существования в годы Красной смуты. Одни историки относят конец существования многопартийности к весне 1918 г., когда левые эсеры покидают правительство. Другие — к лету, когда из Советов изгоняются сперва правые эсеры и меньшевики, а затем и левые эсеры. Наконец третьи полагают, что о ликвидации многопартийности можно говорить применительно к середине эпохи нэпа. Уже одно это говорит о том, какой разный смысл вкладывается в понятие многопартийности. Для одних — это участие в политической жизни нескольких партий. Для других решающим признаком ее является участие нескольких партий в органах власти. По мнению В. И. Миллера, эта многоголосица стала следствием смешения двух понятий — «многопартийность» и «многопартийная (политическая) система». Для него многопартийность еще не предполагает участия разных партий в управлении. Тогда как многопартийная политическая система, наоборот, не мыслима без участия ряда партий в осуществлении политической власти, причем независимо от того, выступают ли они в правительственном блоке или составляют оппозицию.²⁹ Любопытно посмотреть, что же, в таком случае, мы имеем сегодня?

К слову сказать, на примере изучения истории политических партий в годы революции можно достаточно четко проследить и то, как современная ситуация в обществе влияет даже на объективных исследователей. Историки-профессионалы, разумеется, не следуют велениям моды или конъюнктуры. И, тем не менее, интеллектуальная среда, царящая в обществе, косвенно влияет даже на сам выбор тем. Совсем недавно, к примеру, появилось несколько серьезных,

²⁹ Миллер В. И. Осторожно: история... С. 23—24.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru